

Мы догадываемся об этом, листая письма В. П. Давыдова к отцу, писанные из Эдинбурга в эти годы. После 1917 г. эти письма хранились некоторое время в архиве Серпуховского краевого музея; отсюда они поступили в Государственный литературный музей в Москве (ныне Центральный государственный архив литературы и искусства). Все они до сих пор не изданы. В одном из этих писем, относящемся к 1827 г. (точная дата, к сожалению, отсутствует), В. П. Давыдов сообщал отцу: «Я только что окончил перевод на английский язык „Слова о полку Игорева“, которое сир Вальтер Скотт выразил желание видеть».⁵ К сожалению, письмо это не сообщает более никаких подробностей об этом выполненном и несомненно переданном В. Скотту переводе, однако свидетельство это все же представляет безусловный интерес. Трудно сказать, насколько удачно могла быть выполнена Давыдовым эта нелегкая работа: она требовала не только переводческого опыта, но и филологической сноровки и специальных исторических знаний, какими он, естественно, не мог обладать, особенно в молодые годы. К тому же в 20-е годы на Западе «Слово» не было еще достаточно известно; английского перевода «Слова» не существовало, как, впрочем, и каких-либо упоминаний о нем в английской печати; переводы немецкие и французские были малочисленны, крайне неудовлетворительны и трудно находимы. Пользоваться какими-либо иноязычными переводами «Слова» для воспроизведения его текста на английском языке В. П. Давыдов, вероятно, не мог. Не только В. Скотт, по-видимому, впервые услышавший о «Слове» от своего юного собеседника,⁶ но и сам Давыдов едва ли могли знать, что к этому времени существовало уже несколько немецких переводов «Слова» (Рихтера, 1803, Мюллера, 1811, В. Ганки, 1821, Зедерхольма, 1825), а также французских, впрочем еще более низких по своему качеству (вольный перевод Бланшара, сделанный с русского стихотворного пересказа Левитского; анонимный прозаический перевод, включенный в статью «О древней русской национальной поэзии» в журнале бар. д'Экштейна «Le Catholique» 1827 г.) и т. д. Следует также помнить, что В. П. Давыдов жил в это время и трудился над своим переводом за границей и едва ли поэтому мог пользоваться изысканиями первых русских комментаторов «Слова», накопившимися в литературе к концу 20-х годов (К. Ф. Калайдовича, Пожарского, А. С. Шишкова, Цертелева, Н. Ф. Грамматина и др.). Таким образом, английский перевод «Слова», сделанный В. П. Давыдовым в 1827 г., был, вероятно, достаточно вольным переложением подлинника, несовершенной, дилетантской, хотя и неприятельской попыткой, имевшей, однако, вполне конкретную цель — заинтересовать этим памятником любимого им шотландского писателя. Эта цель несомненно была достигнута. Даже в такой приблизительной и ослабленной передаче «Слово» не могло не увлечь В. Скотта, питавшего, как известно, особое пристрастие не только к родной шотландской старине, но и к древним памятникам словесности других народов. Превосходный знаток шотландских и английских баллад, В. Скотт всегда интересовался также старофранцузскими *chansons de geste* и романсами старой Испании; в древних эпических песнях Западной Европы он любил следить за разверты-

⁵ ЦГАЛИ, 9758/5024-36.

⁶ Не исключена, впрочем, возможность, что В. Скотт мог узнать о «Слове» и из сочинений Н. М. Карамзина, которыми он интересовался. Как известно, Н. М. Карамзин не только первым сообщил Западной Европе о «Слове» еще до его издания, но впоследствии уделил ему внимание и в «Истории государства Российского» (т. I, 1816, гл. 7), вскоре вышедшей в просмотренном самим автором французском переводе (Thomas et Jauffret, 1819). Н. М. Карамзин называет здесь «Слово» «особенно древней повестью, украшенной цветами воображения и языком стихотворства».